

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.02

Правильная ссылка на статью:

«Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете / Архипова А. С., Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 12—35. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.02.

For citation:

Arkhipova A. S., Radchenko D. A., Titkov A. S., Kozlova I. V., Yugai E. F., Belyanin S. V., Gavrilova M. V. «Rally rebuild»: Internet in protest and protest on the Internet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. № 1. P. 12—35. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.02.

**А. С. Архипова, Д. А. Радченко, А. С. Титков,
И. В. Козлова, Е. Ф. Югай, С. В. Белянин, М. В. Гаврилова**
«ПЕРЕСБОРКА МИТИНГА»: ИНТЕРНЕТ В ПРОТЕСТЕ И ПРОТЕСТ В ИНТЕРНЕТЕ

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН,
РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ
АГЕНТОМ АРХИПОВОЙ АЛЕКСАНДРОЙ СЕРГЕЕВНОЙ
ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
АРХИПОВОЙ АЛЕКСАНДРЫ СЕРГЕЕВНЫ

«ПЕРЕСБОРКА МИТИНГА»: ИНТЕРНЕТ
В ПРОТЕСТЕ И ПРОТЕСТ В ИНТЕРНЕТЕ

*АРХИПОВА Александра Сергеевна** — кандидат филологических наук, научный сотрудник Московской высшей школы социальных и экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доцент Центра типологии и семиотики

«RALLY REBUILD»: INTERNET IN PROTEST
AND PROTEST ON THE INTERNET

Alexandra S. ARKHIPOVA^{1,2,3}* — *Cand. Sci. (Philology), Researcher; Senior Researcher; Ass. Prof.*
E-MAIL: alexandra.arkhipova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8853-0003

¹ Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

³ Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Здесь и далее: * 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

*Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
E-MAIL: alexandra.arkhipova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8853-0003*

*РАДЧЕНКО Дарья Александровна — кандидат культурологии, директор Центра исследований фольклора и антропологии города, Московская высшая школа социальных и экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия.
E-MAIL: darya_radchenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9298-7783*

*ТИТКОВ Алексей Сергеевич — кандидат географических наук, доцент, Московская высшая школа социальных и экономических наук, доцент философско-социологического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия.
E-MAIL: a-titkov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1638-5737*

*КОЗЛОВА Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, приглашенный исследователь Лаборатории теоретической фольклористики Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия; Заведующая кабинетом традиционной культуры кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.
E-MAIL: matira@dobre.ru
ORCID: 0000-0001-5466-1339*

*Daria A. RADCHENKO^{4,2} — Cand. Sci. (Cultural Studies), Director; Senior Researcher
E-MAIL: darya_radchenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9298-7783*

*Alexey S. TITKOV^{1,2} — Cand. Sci. (Geography), Ass. Prof.
E-MAIL: a-titkov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1638-5737*

*Irina V. KOZLOVA^{2,5} — Cand. Sci. (Philology), Visiting researcher; Head of Traditional Culture Office
E-MAIL: matira@dobre.ru
ORCID: 0000-0001-5466-1339*

¹ Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

⁴ Centre for Urban Folklore and Anthropology, Moscow School of Social and Economic Sciences

⁵ Herzen State Pedagogical University, St Petersburg, Russia

ЮГАЙ Елена Федоровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия.

E-MAIL: leta-u@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8612-1361

БЕЛЯНИН Сергей Владимирович — научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы; магистрант Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

E-MAIL: robispre10@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0809-1352

ГАВРИЛОВА Мария Владимировна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра исследований фольклора и антропологии города, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия.

E-MAIL: Mariavl.gavrilova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0846-3408

Аннотация. Митинг как устойчивая форма публичного городского ритуала заметно трансформируется под влиянием интернета и социальных сетей. В ситуации, когда социальные сети оказываются важным источником информации об офлайн-реальности, митинг или пикет можно провести, не выходя из дома или развернув плакат только для того, чтобы с ним сфотографироваться. При этом одной из важных тем рефлексии участников и зрителей подобных акций оказыва-

Elena F. YUGAI² — *Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher*

E-MAIL: leta-u@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8612-1361

Sergey V. BELYANIN^{2,3} — *Researcher; MA student*

E-MAIL: robispre10@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0809-1352

Maria V. GAVRILOVA⁴ — *Cand. Sci. (Philology), Specialist*

E-MAIL: Mariavl.gavrilova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0846-3408

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

³ Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

⁴ Centre for Urban Folklore and Anthropology, Moscow School of Social and Economic Sciences

Abstract. In the contemporary world where social media became one of the key sources of information about offline reality, a rally can be performed without even leaving your house. That is why the discussion participants and the audience reflect on the problem of ‘authenticity’ of the virtual reality and political actions it provides. The users ponder the question whether virtual activism is relevant, what conditions make virtual political action ‘real’ and ‘accomplished’, i. e. they try to define the status of virtual

ется проблема «подлинности» виртуальной реальности и производимых в ней политических действий. Пользователи социальных сетей задаются вопросами о том, насколько значима акция, частично или полностью проведенная в интернете, выполнение каких условий делает ее «реальной» или «состоявшейся», — иными словами, пытаются определить статус виртуальной реальности и границу между «реальным» и «виртуальным», «оригиналом» (в терминах И. Гоффмана) и «фальсификацией». Результатом этого рефрейминга становится переопределение того, что активисты, горожане и правоохранительные органы считают «политической акцией». В статье авторы рассматривают, как, с одной стороны, изменяется восприятие публичной политической акции в социальных сетях, а с другой — какие конфликты порождает это изменение.

Ключевые слова: интернет, протест, коммуникация, виртуальное пространство, фрейм-анализ, цифровая антропология

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект No 16-18-00068 «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе») при Московской высшей школе экономических и социальных наук. Авторы выражают искреннюю благодарность Вадиму Лурье и Анне Кирзюк.

reality and the boundaries between the 'real' and the 'virtual', the 'original idea' (in E. Goffman's words) and the 'falsification'. This reframing results in a redefinition of what activists, city inhabitants and law enforcement bodies consider to be a 'political action'. The article considers how the perceptions of social media activism change and to what conflicts those changes can lead.

Keywords: Internet, protest, communication, virtual reality, frame analysis, digital anthropology

Acknowledgment. The study was funded by Russian scientific Foundation ((project No 16-18-00068 «Mythology and ritual behaviour in modern city»). We would like to sincerely thank Vadim Lurie and Anna Kirziuk.

2 апреля 2017 г. в Новосибирске прошла политическая акция против коррупции, в которой участвовали, по разным оценкам, от четырехсот до тысячи человек. Акция была согласована в формате пикета, из-за чего на ней нельзя было использовать звукоусиливающую аппаратуру. Чтобы спасти положение, организаторы предложили участникам слушать выступления ораторов в интернете:

«Так как завтра у нас не будет микрофона, то мы придумали усилитель звука! Качаем приложение ZELLO. Подписываемся на канал 02042017, Качаем PERISCOPE <...> Кто хочет завтра выступить, напишите в личные сообщения <...> Берите с собой наушники и Power Bank»¹.

В результате для внешнего наблюдателя пикета происходящее выглядело странно: большинство участников, надев наушники, постоянно смотрело в экран, а не на выступающих или друг на друга, как это обычно бывает на политических акциях. Иногда внезапно (на самом деле — в ответ на транслируемые выступления) раздавались аплодисменты и возгласы: «Новосибирск — это мы», «Это наша страна».

Встает вопрос: где проходил пикет на самом деле — на площади, где находились физические тела участников с плакатами, или в интернете, где они слушали ораторов?

Прежде чем мы предложим ответ на этот вопрос, необходимо рассказать читателю, кто мы и как мы изучаем публичные политические акции.

Методология исследования публичных политических акций

Исследовательская группа «Мониторинг актуального фольклора» (далее — МАФ), в которую входят авторы статьи — социологи, антропологи и фольклористы, — целенаправленно изучает повседневное и ритуализированное поведение горожан и их вернакулярные (то есть внеинституциональные) формы реакции на социально-политические события, от анекдотов до митингов. В том числе с 2014 г. исследовательская группа наблюдает за поведением людей на публичных политических акциях всех направленностей — от оппозиционных до лоялистских. За 2011—2017 гг. исследовательская группа проводила включенное и невключенное наблюдение более чем на двух сотнях публичных акций, шествий, митингов и пикетов в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Севастополе, Вологде, Казани, Туле и других городах.

Группа «Мониторинг актуального фольклора» во время работы на публичных политических фиксирует происходящее на фото и видео и записывает интервью с участниками митинга (всего свыше 800 интервью с участниками публичных акций: как массовых, так и индивидуальных — пикетов). Материалы наблюдений размещаются в базе данных «Voices of protest»². Сразу после окончания акции участники группы пишут подробный полевой дневник, в котором описывают происходящее во время акции, эмоции, настроения, взаимодействия участников митинга с полицией и сторонними наблюдателями.

Параллельно проводится анализ открытых источников: материалов СМИ, публикаций в социальных сетях, данных правозащитных организаций и правоохранительных органов.

Предварительные результаты этих наблюдений с 2011 г. по 2012 г. отражены в книге «Антропология протеста в России: 2011—2012 годы» [Архипова*, Сомин, Шевелева, 2014]. Современное состояние явных и скрытых форм российского протеста обсуждаются в коллективной монографии «Символическое сопротивление»

¹ Группа «Требуем ответов 12 июня. Новосибирск» в социальной сети «ВКонтакте», запись от 1 апреля 2017 года [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/dimon_nsk?w=wall-142595094_3760 (дата обращения: 27.02.2018).

² Прототип базы данных «Voices of protest» размещен в Институте исследований Восточной Европы (Forschungsstelle Osteuropa) при Бременском университете. Разработка базы данных ведется при поддержке «Discuss Data».

ние» ([Титков 2016б; Радченко 2016б; Лурье, 2016, Югай и др. 2016] и др.), в аналитическом обзоре «Мониторинг актуального фольклора: методы и результаты» [Архипова* и др., 2017а], в статье [Титков, 2016а] и других работах. Обсуждение знаков протеста (плакаты, шарики, ленточки) как высказываний и самого митинга как коммуникативного акта см. в [Arkhipova* et al. 2017], проникновение знаков протеста из социальных сетей в протест офлайн — в [Архипова* и др. 2018].

Митинг как событие и как сообщение

Прежде чем мы перейдем к ответу на этот вопрос, необходимо понять, что создает митинг в законодательной оптике и в оптике самих протестующих. Ответ не столь очевиден, как может показаться на первый взгляд.

Существует юридическая конвенция, зафиксированная в законе «О митингах»³. Она предполагает, что участники и полиция должны однозначно распознать «фрейм» [Goffman, 1974] публичной протестной акции и действовать соответственно. Эта конвенция включает три важных критерия того, что такое «митинг»: публичность, ограниченность во времени/пространстве и выражение того, что в законе называется «общественным мнением по актуальным проблемам».

Во-первых, и в социологической теории [Гоффман, 2017], и в юридической практике пространство считается публичным, если оно потенциально доступно для любого человека вне зависимости от того, ориентировано оно на совместное действие или на предельное отчуждение⁴. Таким образом, разговор на кухне не является публичной акцией, а сожжение чучела политика в парке — является, даже если на кухне собралось двадцать человек и еще десять заглядывают в окно, а парк совершенно безлюден.

Во-вторых, под публичной политической акцией понимается такое событие, которое начинается в строго определенное время и заканчивается одновременно для всех участников и при этом проходит на определенной территории. Например, территорией митинга в современной российской юридической практике считается участок улицы или площади, который отделен от остального мира заграждениями и рамками металлоискателя, причем необходимая площадь рассчитывается заранее исходя из того, «на сколько человек» согласован митинг. Территория одиночного пикета, наоборот, никак не ограничена физически, но она описывается конвенционально — согласно действующему законодательству, расстояние между пикетирующими должно составлять не менее пятидесяти метров.

Наконец, в-третьих, задачей любой публичной политической акции является выражение некоторой позиции (то, что в законе называется «публичное выражение общественного мнения»).

³ «Митинг — массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем <...> пикетирование — форма публичного выражения мнений, осуществляемого без передвижения и использования звукоусиливающих технических средств путем размещения у пикетируемого объекта одного или более граждан» (Ст. 2 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19 июня 2004 года №54-ФЗ, ред. от 07 июня 2017). В нашем тексте обозначение «митинг» используется не только в строгом смысле, установленном законом, но и как общее название всех публичных политических акций.

⁴ Одно из правовых последствий подобного различения: для установки памятника в публичном пространстве (в парке, на площади и т.д.) требуется согласование с властями, а на своем дачном участке — нет, и этим, в частности, пользуются почитатели И. Сталина.

Эти три фактора создают юридическое и обыденное представление о митинге как о событии в физическом пространстве.

Из всех трех характеристик митинга именно возможность сделать политическое высказывание и быть услышанными, а не просто постоять в течение определенного времени за рамками, определяет, по мнению наших информантов, успешность публичной политической акции. Если мы посмотрим на публичную акцию через эту оптику, то мы увидим, сколько усилий протестующие тратят на создание и трансляцию высказывания, особенно в том случае, когда коммуникация затруднена. По сути, они говорят об успешности митинга в терминах «эмной» коммуникативной теории.

Именно приоритетность высказывания заставляет нас рассматривать публичную политическую акцию (будь то митинг, шествие, пикет или любая другая форма) как особую форму ритуального поведения, в которой главную роль играет акт коммуникации с внешним адресатом. Человек, придя на акцию, становится адресантом (*addresser*), который отправляет адресату (*addressee*) сообщение (*message*) с помощью одного или нескольких кодов (*code*). Например, адресанты отправляют сообщения власти, СМИ или своим соратникам в виде вербальных текстов (плакат «Долой войну!»), визуальных (рисунок «пацифика») или артефактных (белый шарик в руках). Успешность коммуникативного акта определяется тем, смог ли адресант отправить сообщение, а адресат — получить его в адекватной форме [Jakobson, 1960]. Любая политическая публичная акция оказывается суммой сообщений, которые создают пришедшие туда люди.

Таким образом, существуют все оптики публичной политической акции — митинг как событие и митинг как сообщение. При этом первый разворачивается в пространстве физическом, а второй — в пространстве значений. Если это так, то главный вопрос, который надо обсудить: как они разграничиваются? Филипп Дескола полагает, что различие между материальными процессами и ментальными состояниями, т. е. между «физическим» и «виртуальным» в широком смысле, — наиболее универсальная характеристика когнитивного процесса. Если следовать его логике, то разграничение «сна» и «яви», «театра» и «жизни», «онлайн» и «офлайн» на уровне повседневного сознания неизбежно [Descola, 2014]. Актуализацию этих границ и обнаружение в них правил, смыслов и иных качеств он называет построением мира — «мированием» (*worlding*)⁵. Разные пользователи по-разному расставляют скобки⁶ — маркеры границ между этими мирами, буквально пересобирая, создавая их заново. Применительно к нашему материалу можно сказать, что в каждом конкретном случае возникает новое понимание протестного акта. Поэтому цель нашей статьи — показать, как акторы «пересобирают» митинг как событие в митинг как сообщение в ситуации, когда в игру вступает второе изме-

⁵ «Объекты нашей окружающей среды не находятся в небесах вечных идей, готовые к тому, чтобы быть постигнутыми с помощью наших способностей, не являются они и простыми социальными конструктами, придающими форму и смысл сырому материалу; они — просто кластеры качеств, некоторые из которых мы обнаруживаем, а другие — игнорируем» [Descola, 2014: 273]. Перевод выполнен в рамках некоммерческого гуманитарного проекта «Pastiche Project»: Филипп Дескола. Модусы бытия и формы предикации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/notes/pastiche-project/филипп-дескола-модусы-бытия-и-формы-предикации/1771858863026086> (дата обращения: 10.02.2018).

⁶ «Скобки» в терминологии Грегори Бейтсона [Бейтсон, 2000] и Ирвинга Гофмана [Гофман, 2004].

рение — виртуальное пространство. Однако прежде чем перейти к «пересборке» митинга, надо понять соотношение интернета и протеста.

От интернета в протесте к протесту в интернете

Наш исходный вопрос о том, как соотносятся политическая мобилизация и протест с проникновением «новых медиа», не нов. Уже в начале 2000-х годов он оказался одним из самых востребованных среди исследователей политических движений — и одним из самых спорных⁷. Ключевой вопрос этого направления — это вопрос конверсии, трансформации пользователя из читателя соцсетей в участника протестной акции на улице. Положим, пользователи социальных сетей массово высказывают свое недовольство в социальных сетях. Приводит ли это к тому, что люди выходят на улицу, и если да, то как?⁸ В какой степени принципы общения, принятые в социальных сетях, накладывают отпечаток на действия активистов [Rossi et al., 2016]? Можно ли по содержанию текстов, бытующих в интернете, судить о содержании протеста «офлайн» [Радченко и др., 2014; Радченко 2016a]? Насколько сильно взаимодействие в интернете влияет на формирование правил поведения при протесте и задержании [Gerbaudo, 2012]?

Во всех упомянутых исследованиях (включая и предыдущее исследование одного из авторов этой статьи) «физическому пространству», как «более реальному», аксиоматично отдается преимущество перед «интернет-пространством»: «виртуальное» оказывается вспомогательным по отношению к «физическому».

В этой парадигме протест в интернете оказывается лишь формой подготовки к митингу как событию («реальному» митингу или пикету): в интернете обсуждают проблему, рекрутируют сторонников, готовят программные документы, но собственно протестная активность как особый тип коммуникации с властью осуществляется только при выходе на улицу.

Характерный ранний пример (хотя и не связанный именно с политическим активизмом) — флешмоб «Дворег», который прошел в Москве в 2006 г. После того как некая девушка разместила в «Живом журнале» пост о том, что ей запретили есть хот-дог на скамейке в одном из дворов в центре города, а житель одного из домов избил ее за это, пользователи блогосферы в знак протеста начали активно распространять этот пост в социальной сети и призывать к солидаризации. В результате несколько десятков (по другим источникам — около двух сотен) блогеров приехали в этот дворик демонстративно поесть хот-доги. Такие кейсы всегда привлекательны для исследователя: они наглядно демонстрируют, как активность онлайн переходит в активность офлайн.

Наблюдения исследовательской группы «Мониторинг актуального фольклора» заставляют сомневаться в осмысленности такого подхода, поскольку он не учитывает второй оптики, в которой митинг выступает суммой сообщений.

Вторая оптика обращает внимание прежде всего на то, *как и где* это сообщение передается — будь то физическая или виртуальная среда. Иногда участник

⁷ См., например [Kahn, Kellner, 2004; Juris, 2012; Rodgers, 2003].

⁸ Так, в исследованиях [Alexander, Aouragh, 2011; Starbird, Palen, 2012; Lotan et al., 2011], этот вопрос изучается на материале протестов в Египте. Роль интернета в «снежной революции» в России освещена в статьях: [Радченко и др., 2014; Никипорец-Такигава, 2012; Ваньке и др., 2014].

митинга на улице может быть больше вовлечен в онлайн-коммуникацию, чем в то, что непосредственно происходит вокруг него⁹. В некоторых случаях активность «офлайн» оказывается в принципе невозможной без поддержки интернет-технологий — что и произошло в Новосибирске. И наконец, далее мы покажем, что митинг как сообщение может полностью реализоваться в виртуальной среде. Как минимум приоритет одной среды перед другой оказывается спорным, а как максимум — разрушаются сами границы этих сред. Ряд таких примеров можно продолжать, но главное то, что виртуальная среда часто оказывается приоритетной, и события, происходящие в социальных сетях параллельно уличной акции или после нее, имеют для протестующих не меньшее значение, чем событие митинга.

Такая постановка вопроса заставляет взглянуть на протестную активность в интернете под принципиально новым углом. В фокусе нашего исследования оказывается не то, как действия в виртуальном мире обеспечивают физическую реализацию протеста, а то, в какой мере «физическая» уличная акция помогает передать сообщение протестующих той аудитории, которую они считают значимой — в том числе в интернете и через интернет.

Поэтому мы переворачиваем традиционный вопрос: что мы знаем не про интернет в протесте, а про *протест в интернете*?

Для решения вопроса о статусе виртуального в политическом протесте необходимо пересмотреть это понятие. Мы не будем вдаваться в долгую историю самого термина. Для нас важнее, что многие исследователи интернета традиционно проводят жесткую границу между «онлайн» и «офлайн», «виртуальным» и «реальным», приписывая большую ценность то одному, то другому.

Однако в ряде случаев эта онтологическая разница не срабатывает. Том Белсторфф, например, справедливо указывает, что происходящее в «физическом» мире вполне может быть «нереальным» (например, галлюцинация), а происходящее в «виртуальном» мире — «реальным» (например, проигрыш в виртуальном казино приводит к реальному уменьшению количества денег на счете)¹⁰. Поэтому он предложил в исследованиях интернета вообще отказаться от понятия «реального» и проводить границу между «виртуальным» и «физическим», а не «виртуальным» и «реальным»¹¹ [Boellstorff, 2016].

Если мы хотим обсудить проблему современного российского протеста в интернете, мы не должны ограничиваться восприятием интернета как пространства подготовки к «реальному» действию, а должны вместо этого понять, какую роль играют физическое и виртуальное пространство в создании *митинга как события* и *митинга как сообщения*, или, другими словами, как пользователи осуществляют *worlding* (в терминологии Дескола).

⁹ Ряд таких случаев описан в [Gray, 2016].

¹⁰ «Цифровое реально не потому, что оно имитирует физическое: многие формы онлайн-практик и онлайн-социальности не связаны с симуляцией. Мы живем в мире, где физическое нередко симулирует цифровое — социальное взаимодействие офлайн может использовать нормы, представления или даже сети онлайн (например, «развирт» в физическом мире людей, которых связывает только общение онлайн)» [Boellstorff, 2016: 397]. (Перевод цитаты авторов статьи).

¹¹ Очевидно, что разграничение, предложенное Белсторффом, также проблематично. Во-первых, вслед за Альфредом Шюцем и другими можно описать множество «миров», ни один из которых не является ни «физическим», ни «виртуальным» в полном смысле слова. Во-вторых, «виртуальный» мир отнюдь не лишен «физического» измерения: его существование зависит от вполне материальных технологий, и он воспринимается теми же органами чувств.

Адресант в поисках адресата

Если митинг — это сообщение, то у него есть адресант. Он может обращаться к трем основным адресатам (или к их сочетаниям): к «власти», внешней аудитории (*out-group*) или «своим» (*in-group*). Успешность акции определяется тем, способно ли сообщение достичь того адресата, которому оно направлено.

Первая и наиболее очевидная цель — это «вертикальная» коммуникация с широко понимаемой «властью»: донесение участниками акции требований, беспокойства или поддержки до органов, принимающих политические решения. Если участникам необходимо быть услышанными этим адресатом, то организаторы акции (адресанты) либо выбирают такое место проведения, где власть может увидеть их непосредственно (например, у здания, в котором располагаются правительственные офисы), либо полагаются на медиа, способные донести до власти сообщение участников. Например, по словам одного политического активиста, самая эффективная форма протеста — стоять с плакатами у здания администрации весь день¹².

Вторая возможная цель — горизонтальная «центробежная» коммуникация с *out-group* — широко понимаемой аудиторией, в которую включаются все, кто не участвует в митинге. Целями такой коммуникации могут быть: формирование солидарности с митингующими, рекрутинг сторонников, агитация за те или иные действия — например, за участие или неучастие в выборах, голосование за определенного кандидата и т.п.¹³. Для того, чтобы говорить *urbi et orbi*, выбираются максимально посещаемая территория и медиа наиболее широкого охвата. Именно поэтому активисты стремятся провести акцию в центре города и активно протестуют против переноса митинга на окраины. Например, в Новосибирске активисты неоднократно подавали в суд на мэрию с целью отменить решение о переносе митинга из центра (с площади Ленина) на Михайловскую набережную, где митинг не могли бы увидеть другие горожане: «*Вы реально собираетесь идти туда и тесниться, показывая плакатики самим себе?!*»¹⁴

Наконец, третий вариант — это «центростремительная» коммуникация между участниками митинга (*in-group*). Задача подобного высказывания — укрепление связей в своем сообществе, формирование идентичности и подтверждение солидарности. «Центростремительные» митинги крайне редки. Таким «чистым» примером оказалась акция памяти Бориса Немцова в Вологде¹⁵. Вместо коммеморативного марша, предпринятого во многих городах России, в Вологде была устроена небольшая встреча местных активистов. Она проходила в безлюдном месте и была настолько закрытой (несмотря на то, что проводилась в публичном

¹² По материалам полевых наблюдений в Москве в 2017 г.

¹³ Это характерно отнюдь не только для протестных акций. Желание максимально вовлечь внешних людей в происходящее приводит к тому, что, например, во время прохода «Бессмертного полка» по Красной площади в 2015—2016 гг. многие участники поднимали портреты, гимнастерки с орденами, и показывали их видеокамерам (об этом см.: [Архипова* и др., 2017б]).

¹⁴ Группа «Требуем ответов 12 июня. Новосибирск» в социальной сети «ВКонтакте», запись от 6 июня 2017 года. URL: https://vk.com/dimon_nsk?w=wall-142595094_4897 (дата обращения: 25.02.2018). В Санкт-Петербурге 12 июня 2017 г. произошла аналогичная ситуация. Когда для проведения митинга против коррупции согласовали Удельный парк (организаторы подавали заявки на несколько площадок в центре города), протестующие отказались туда идти и вышли на Марсово поле, мотивируя это тем, что в Удельном парке их никто не увидит (по материалам полевых наблюдений).

¹⁵ По материалам полевых наблюдений на акции памяти Бориса Немцова в Вологде 27 февраля 2017 г.

городском пространстве), что пришедшего на акцию наблюдателя из группы МАФ участники сочли «шпионом власти»: «*Вот этот давно тут топчется*». Наблюдатель был допущен только после того, как нашлись знакомые, отрекомендовавшие его как «своего» («*он наш*») и тем самым символически включившие его в состав участников встречи. Митингующие при этом сопротивлялись любой возможности быть видимыми: уворачивались от фотоаппарата исследователя, требовали показать фотографии акции с целью подвергнуть их цензуре. Несмотря на кажущееся отсутствие адресата, участники считали акцию состоявшейся, потому что на самом деле адресат и адресант совпадали. Местным активистам поход на такой митинг позволяет укрепить связи среди «своих».

Итак, коммуникативной удачей публичной акции считается установление связи не просто с любым адресатом, а с нужным адресатом, а неудачей — отсутствие такой связи. Например, участник митинга «За образование и науку» жаловался, что его предыдущий пикет, ориентированный на рекрутинг сторонников (в нашей терминологии — «центробежный») остался незамеченным, и именно это побудило его прийти на более крупную акцию:

«Я выходил на одиночный пикет, но этот пикет был очень неудачный. Это был пикет у Смольного собора, я простоял там больше часа, и ни одного человека ко мне не подошло, вот которые бы действительно подошли почитать текст на плакате, поговорить — такого не было. То есть там пустошь, я не знаю, по-моему, пикеты у Смольного (кто их придумал?) — вообще это бесполезное дело. Поэтому я вот пришел с этим плакатом сюда». Интервьюер: «А какое место Вам кажется подходящим для пикетов?» — «*Невский проспект. Там ходят люди, среди которых можно формировать общественное мнение*»¹⁶.

Наличие или отсутствие адресата в «поле зрения» способно радикально изменить фрейм акции. Так, 26 марта 2017 г. на Тверской улице в Москве проходил митинг против коррупции. Поскольку акция не была согласована, первоначально планировалось, что она будет проходить в формате «народного гуляния»: без лозунгов, чтобы снизить риски. И действительно, первые сорок минут все просто гуляли по улице, старательно изображая, что оказались здесь случайно (многие шли с кофейными стаканчиками). Однако затем над головами участников «прогулки» стал низко летать вертолет, что немедленно привело к переключению фрейма: люди подняли головы, некоторые заулыбались и закричали: «*Нас наконец-то видят, пусть видят, как нас много!*» — подразумевая, что в вертолете находятся представители власти или их агенты¹⁷. Транспонирование (переключение) фрейма акции в прогулку завершилось возвращением к оригиналу, и кофейные стаканчики уступили место плакатам.

Участник в поисках Наблюдателя

Если выше мы разделили митинг как событие и митинг как сообщение, то мы должны помнить, что при анализе митинга как сообщения ключевую роль играют

¹⁶ Записано от участника (около 45 лет) митинга «За образование и науку» в Санкт-Петербурге на Площади Ленина 11 ноября 2017 года.

¹⁷ По материалам полевых наблюдений на митинге против коррупции 26 марта 2017 г. в Москве, около станции метро «Охотный ряд».

фигуры адресанта и адресата, а для митинга как *события* такими же необходимыми фигурами выступают *участники* и *наблюдатели*.

Роли участника и адресанта, как и роли наблюдателя и адресата, в некоторых случаях совпадают, а в некоторых — значительно различаются, поэтому для наших исследовательских целей их важно аналитически развести по двум измерениям. Наглядным случаем, когда роли адресанта и участника существенно расходятся, служат митинги игрушек («наномитинги») 2012 г. В их ходе политические активисты, желающие выразить свою позицию, инсценировали в публичном месте акцию протеста, роль демонстрантов при этом исполняли игрушки. С нашей точки зрения, это, во-первых, митинг как событие, где есть участники (игрушки) и наблюдатели (прохожие и полиция), и митинг как сообщение, где есть адресанты (протестующие), которые используют артефактный код (игрушки), чтобы передать высказывание адресату (властным структурам и потенциальным сторонникам)¹⁸.

Участники производят действия, необходимые для того, чтобы акция считалась состоявшейся: присутствуют в определенном месте в определенное время и выполняют некоторые устойчивые сценарии. Значимыми для митинга как события оказываются количество участников и/или степень физической опасности, которой они подвергаются. Наблюдатели, в свою очередь, подтверждают факт события своим наблюдением и своими сообщениями о том, что они видели. На шествиях памяти Немцова в роли наблюдателей выступали специально пришедшие на акцию журналисты и простые прохожие, которые вышли из кафе и остановились посмотреть, что происходит. Тот факт, что они смотрят и видят, является подтверждением того, что митинг происходит «на самом деле» в физическом пространстве (как ни абсурдно это звучит). Один из наших информантов в Вологде сказал, что митинга 26 марта 2017 г. в Москве «не было» — потому что об этом ничего не говорилось в новостях: *«Где Лена? — На митинге в Москве. — Не может быть, по телевизору ничего не говорили, а значит, митинг не состоялся»*¹⁹.

Для первого типа коммуникативных моделей политической акции — «вертикального» — наблюдатель должен быть внешним и не совпадать с адресатом. В случае «центробежного» митинга потенциальный адресат и наблюдатель совпадают. В приведенном выше примере пикетчик из Санкт-Петербурга сокрушается об отсутствии наблюдателей именно потому, что из их числа рекрутируются адресаты: *«Я простоял там больше часа, и ни одного человека ко мне не подошло»*. В случае же «центростремительного» митинга адресант, адресат и наблюдатель жестко совпадают (в описанном выше вологодском кейсе наблюдатель был принят только тогда, когда подтвердил статус «своего» — т. е. стал адресатом и адресантом).

Наблюдатель может видеть митинг непосредственно («своими глазами») — назовем эту позицию Наблюдатель I, или опосредованно — Наблюдатель II. Например, люди, случайно оказавшиеся на Страстном бульваре днем 1 марта

¹⁸ В статье [Вахштайн, 2013] описывается также правовая коллизия между организаторами «наномитинга», подавшими официальную заявку от лица лево-человечков, игрушечных солдатиков и мягких игрушек, и местной администрацией, которая отклонила заявку на том основании, что игрушки по закону не могут проводить публичную акцию, не будучи гражданами России. Подробнее о наномитингах в Беларуси и России см.: [Астапова, 2014].

¹⁹ По материалам полевого дневника группы МАФ в 2017 г.

2017 г., видят людей, идущих колоннами с портретами Бориса Немцова и плакатами, рамки и полицию. Сумма таких наблюдений позволяет Наблюдателям I распознать фрейм митинга, а также дает им теоретическую возможность сменить свой коммуникативный статус с наблюдателей на участников — для этого достаточно пройти через рамки. Тот, кто смотрит прямую трансляцию митинга по телевизору, не является Наблюдателем I, хотя и видит его «своими глазами». Пространство Наблюдателя II и физическое пространство митинга не соприкасаются: даже при очень большом желании ему потребуется осязаемое время, чтобы пересечь границу между ними.

Митинг I глазами Наблюдателя II

Случай, когда граждане собираются в определенное время в определенном публичном месте, открытом для зрителей, и там же высказывают свою позицию, представляет собой обычный, самый распространенный вариант публичной акции. Мы будем называть ее Митинг I. Под этим термином мы подразумеваем и митинг-событие, и митинг-сообщение, сделанное тут же, в физическом пространстве.

Митинг I доступен как непосредственному восприятию (Наблюдатель I), так и опосредованному (Наблюдатель II). Но в одной ситуации Наблюдатель I невозможен в принципе — это Митинг II, который мы обсудим в конце статьи.

При восприятии Митинга I Наблюдателем II может разрушаться требование приуроченности к определенному временному промежутку. 6 апреля 2014 г. у Исторического музея была проведена акция в поддержку узников Болотной (акция «Комитет 6 мая»²⁰). Участники акции стояли кругом и держали руки так, как будто держали невидимые плакаты. Митингующих задержали. 6 апреля 2016 г. в социальных сетях появилась фотография этой акции с призывом идти к ОВД и защищать задержанных. Что характерно, многие Наблюдатели II сочли это достаточным доказательством того, что акция и задержания произошли вчера: «Полиция разогнала накануне в Москве участников акции в поддержку «болотных» узников»²¹. В ответ часть комментаторов публикации возмущается произволом, а один пишет: *новость 2х летней давности, ребята вы вроде не эстонцы, а новость 2 года до вас доходила. Но спасибо развеселили, посмеялся от души*²².

Наблюдатель II при этом может считывать свое собственное сообщение, не совпадающее с тем, которое было отправлено адресантом. Например, в 2010 г. у представительства Японии в Москве был проведен пикет «Greenpeace» в защиту китов. Естественно, на плакате участника пикета была надпись на японском языке — лозунг в защиту китов, нацеленный на понимание основным адресатом — посольством Японии. Фотография пикета попала в социальные сети, и знание о том, кому он был адресован, исчезло. Поэтому надпись «непонятными иероглифами» была переинтерпретирована и стала восприниматься как способ скрыть протестное сообщение от представителей правоохранительных органов. В этом качестве фотография пикета начала массово распространяться.

²⁰ Волонтерское правозащитное сообщество.

²¹ «Что писать? И так все понятно» // 9 Канал ТВ (Израиль). 9 апреля 2016 года. URL: <http://9tv.co.il/news/2016/04/09/224138.html> (дата обращения: 10.02.2018).

²² Там же.

Адресант специально ориентирует Митинг I на Наблюдателя II

Нередко адресант, хотя и участвует в Митинге I, учитывает «взгляд» не столько Наблюдателя I, сколько Наблюдателя II. На митинге против реновации, где было много разных СМИ, мама сказала своему сыну: *«Держи плакат выше, не кривляйся, нас могут снять для телевизора»*²³.

На петербургском пикете в поддержку Ильдара Дадина²⁴ главным для адресанта оказывается публичность не в «физическом», а именно в «виртуальном» пространстве:

Интервьюер: *«А вообще надежды на сегодняшнюю акцию у Вас какие?»* — *«Люди увидят, что все-таки существует кто-то, кто протестует»*. Интервьюер: *«Мне кажется, здесь не оченьлюдно»* — *«Ну, в интернете увидят. Может быть, сами судьи увидят в том же интернете, понятно, что сегодня их здесь нет»*²⁵. *На самом деле я периодически на работе наталкиваюсь на то, что мне говорят: „А вот мы вас видели на ютубе“. То есть информация распространяется, когда есть интернет»*.

В этом случае интернет позволяет адресанту надеяться не только на увеличение аудитории (числа Наблюдателей II), но и на то, что реальный адресат — судебная инстанция — получит сообщение. Интернет, таким образом, усиливает сообщение.

Во многих случаях во время Митинга I начинается коррекция поведения участников, нацеленная на то, чтобы создать наилучшее представление о митинге у Наблюдателя II. Одним из важных критериев оценки социальной значимости митинга для наблюдателей является число участников: оно позволяет судить о том, насколько сообщение, транслируемое митингом, важно для общества. Если на митинг пришли сотни тысяч человек, их высказывание признается требованием «общества в целом». Если в большом городе собрался десяток участников, их требования считаются маргинальными и незначимыми. Таким образом, участникам необходимо создать впечатление, что их много. Если предварительный рекрутинг успеха не имел, и на митинг пришло меньше людей, чем рассчитывалось, для Наблюдателя II можно создать впечатление, что митинг все же состоялся. Так, на молебне против фильма «Матильда» собралось не более пятидесяти человек, участники движения «Сорок сороков» вели съемку во время этого мероприятия. После молебна, сидя в кафе и составляя отчет для группы в социальной сети «ВКонтакте», они договорились написать, что их было сто или даже сто пятьдесят²⁶.

Создание сообщения для Наблюдателя II становится более важным делом, чем создание митинга как события. Нередко оппозиционные активисты тратят больше времени на фотографирование себя, раздающих листовки, и на выкладывание фотографий в интернет, чем на агитацию в физическом пространстве. Именно к этому их призывают координаторы, которые говорят (в переводе на наш

²³ Полевой дневник включенного наблюдения на митинге против реновации «хрущевок» в Москве 15 мая 2017 г.

²⁴ Записано от участницы (около 55 лет) одиночного пикета в поддержку Ильдара Дадина в Санкт-Петербурге на Сенатской площади 22 января 2017 г.

²⁵ Здесь и далее подчеркивание в цитатах авторов статьи.

²⁶ По материалам полевых наблюдений на молебне святым царственным страстотерпцам в московском храме Святого Николая в Пыжах 1 октября 2017 г.

язык), что в социальных сетях их увидит больше Наблюдателей II — потенциальных сторонников²⁷.

Инструментом для создания такого эффекта (увеличение «тела» митинга в глазах Наблюдателя II) часто служит массовая фотосъемка друг друга с плакатами и размещение этих фотографий в социальных сетях. На митинге НОД 4 ноября 2017 г. в Санкт-Петербурге на Марсовом поле организаторы раздавали всем плакаты «Путин 2018» и сами фотографировали участников, а участники фотографировали друг друга — после чего участие в митинге считалось совершившимся²⁸.

Значимость Наблюдателя II подчеркивается в тексте, предваряющем трансляцию антикоррупционного марша в Новосибирске: *«Вышедшие на улицу живые люди намного сильнее расстраивают и беспокоят Димона. Но если уж совсем никак не получается прийти на мероприятия — следите за ходом событий в трансляции на Youtube. Помогайте хотя бы лайками!»*²⁹ Получается, что есть некий «Димон», который одновременно видит проекцию митинга, проходящего в физическом пространстве, и следит за протестными действиями, проходящими в соцсетях. «Димон», хотя и приписывает большую ценность митингу на улице, все же признает и замечает значимость митинга в интернете. Массовое присутствие Наблюдателей II должно показать «Димону», что на повестку реагирует больше людей, чем он видит на улице.

Участник избавляется от Наблюдателя I

Если акция рассчитана на Наблюдателя II, то сколько времени она должна продолжаться в физическом пространстве, чтобы ее увидели? В этом случае критерий продолжительности работать перестает. Приведем выдержку из полевого дневника участника пикета в защиту Европейского Университета³⁰: *«В начале пикетов мы обсуждали вопрос — сколько прилично стоять? час? меньше? больше? чтобы это было «приличное стояние». Начали мы около 17.00. В 18.00 приехала полиция, и мы убежали, не успев про это написать в сети. Лайки (фотографии нас в пикете) и слова поддержки продолжались еще часа два»*. Таким образом, Наблюдатель I (например, охранник у входа в Министерство образования) мог видеть пикетчиков в течение одного часа, а Наблюдатель II — в течение трех часов и больше.

Сокращая время пребывания в физическом публичном пространстве и продлевая время протеста в виртуальном публичном пространстве, участник акции балансирует между желанием снизить социальные риски и желанием донести свое сообщение. Отсюда возникает вопрос: если критерий времени физического пребывания в публичном пространстве нарушен, то является ли происходящее «настоящим митингом»? Некие вологодские активисты провели серию одиночных пикетов в поддержку Алексея Навального, при этом само время нахождения на улице не превышало десяти минут. Основной целью были фотографии, которые потом выкладывались в сеть. Рассказывая об акции, участница поправляет интервьюера: *«Это не был пикет»* (и соответственно, это неподсудно), а на вопрос

²⁷ По материалам полевых наблюдений в городе Москве в 2017 г.

²⁸ По материалам полевых наблюдений группы МАФ в Санкт-Петербурге.

²⁹ Группа «Требуем ответов 12 июня. Новосибирск» в социальной сети «ВКонтакте», запись от 11 июня 2017 г. URL: https://vk.com/dimon_nsk?w=wall-142595094_5589 (дата обращения: 10.02.2018).

³⁰ Полевой дневник включенного наблюдения в поддержку Европейского университета в апреле 2017 г. в Москве.

«Почему?» поясняет: «Ну, пикет, я считаю, нужно стоять, держать»³¹. Так, активисты молодежного движения «Весна» называют такие действия «фото-акциями» — поскольку они направлены не на реального зрителя, а на представление в социальных сетях.

Участники пикета в Чебоксарах перед Пасхой 2017 г. провели акцию схожим образом. Их задачей было сфотографироваться с куриными яйцами, на которых были написаны буквы, складывающиеся во фразу: «Свободу Мальцеву»³², и опубликовать фотографию в интернете. Они создавали Митинг I, полностью ориентированный на Наблюдателя II. Однако в момент фотографирования участники акции приобрели нежелательного Наблюдателя I (полицию), который снял их на камеру. В результате активисты были задержаны постфактум под предлогом того, что «это был несогласованный митинг». Тот факт, что митинг как событие — не как сообщение — длился всего несколько минут, не повлияло на действие этого Наблюдателя.

Учитывая это, активисты могут уничтожать саму возможность появления Наблюдателя I. В декабре 2015 г. некая группа краснодарских активистов решила провести акцию «Похороны Конституции»³³ в максимально безлюдном месте — в лесу. 12 июня 2017 г. крымские активисты провели пикет против коррупции в горах. С помощью плаката «Я хочу жить в свободной стране»³⁴, они выражали солидарность с теми, кто протестовал в других городах России. В обоих случаях адресант принял меры предосторожности, чтобы акт протеста видел только Наблюдатель II.

Однако и это не решает проблему. Левая активистка Дарья Полюдова из Краснодара была обвинена в «публичных призывах к экстремистской деятельности, в том числе совершенных с использованием сети интернет», уже не за проведение пикета, а за размещение в интернете постфактум фотографии с плакатом «Не война с Украиной, а революция в России»³⁵. Полиция в данном случае выступила в роли Наблюдателя II, поскольку она не присутствовала на митинге как события, а увидела фотографию только в социальных сетях.

(Рас)синхронизация митинга как «события» и «сообщения»

В описанных выше сюжетах сначала митинг произошел как событие в физическом мире (участники сфотографировались с плакатом), а постфактум — как сообщение (фотографии и видеозаписи попали в социальные сети, Наблюдатели II стали реагировать на них, распространять сообщение дальше или, наоборот, прекращать его распространение).

В других случаях митинг как событие и митинг как сообщение могут происходить в один момент времени и при этом расподобляться. В начале статьи мы приводили пример, как протестующие в Новосибирске, находясь на площади,

³¹ По материалам полевых наблюдений группы МАФ в Вологде, 2015 г.

³² В Чебоксарах активистов задержали // Радио «Свобода». 18 апреля 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/28437147.html> (дата обращения: 10.02.2018).

³³ В Краснодаре устроили «Похороны Путиным Конституции России» // Интернет-сайт «Туподар». 13 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://tupodar.ru/v-krasnodare-ustroili-pohorony-putinyam-konstitutsii-rossii-foto-i-video/> (дата обращения: 10.02.2018).

³⁴ По материалам полевого дневника группы МАФ в Крыму, 12 июня 2017 г.

³⁵ По материалам сайта информационного аналитического центра «СОБА», 21.12.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2015/12/d33508> (дата обращения: 10.02.2018).

слушали трансляцию выступлений, проходящих на той же площади, через интернет-приложение. Иными словами, они одновременно были участниками митинга как события в физическом пространстве и адресатами митинга как сообщения в виртуальном пространстве. При этом статус этих двух «ипостасей» митинга был неодинаков: когда исследователь брал интервью у участника этой акции, интервьюируемый не хотел говорить с ним, если в виртуальной реальности что-то происходило. Он ранжировал происходящее, и митинг, происходящий в интернете, был для него важнее³⁶.

Подобную конкуренцию физического и виртуального мы видим и на примере большого митинга против программы реновации «хрущевок», прошедшего в Москве в мае 2017 г. Перед рамками выстроилась огромная очередь, и часть потенциальных участников не захотела в ней стоять. Некоторые наши информанты, не пройдя через рамки, развернули плакаты, сфотографировались со своими протестными высказываниями на фоне толпы, и ушли в ближайшее кафе, откуда выложили фотографии в сеть. С точки зрения взгляда на митинг как на событие, эти информанты не стали участниками публичной акции — они даже не прошли за рамки. Однако они стали адресантами митинга как сообщения — они отправили свое сообщение (выложили фотографии с плакатами перед рамками в социальные сети) и получили внимание Наблюдателей II (большое количество лайков)³⁷.

Обратим внимание на то, что пространственный критерий митинга здесь тоже был нарушен: сообщение (развернутый плакат) было сделано перед рамками, то есть не на территории митинга³⁸. Здесь мы сталкиваемся с рядом важных различий между митингом как событием и митингом как сообщением.

Во-первых, митинг как событие происходит строго в физическом пространстве, а митинг как сообщение может происходить и в физическом, и в виртуальном пространствах.

Во-вторых, если для митинга как события требование наличия пространственно-временных границ имеет ключевое значение, то для митинга как сообщения оно не так важно. В случае описанного выше пикета в поддержку Европейского университета митинг как сообщение продолжался уже после завершения митинга как события. Это происходит не только в протестном поле. На акции «Возвращение имен» некоторые участники, которые из-за огромной очереди и плохой погоды не смогли прочитать имена репрессированных непосредственно в месте проведения акции — у Соловецкого камня на Лубянской площади в Москве, — вечером того же дня выкладывали фотографии листовок с этими именами в социальных сетях, таким образом создавая высказывание за пределами физического пространства и времени акции³⁹.

Возможен и обратный сценарий: в Курганской области был проведен виртуальный митинг, организаторы которого стремились установить четкие пространственные

³⁶ Пикет в поддержку задержанных 26 марта в Москве, 2 апреля 2017 г., Новосибирск. По материалам полевых наблюдений группы МАФ.

³⁷ Митинг против реновации в Москве на площади Сахарова, 15 мая 2017 г. По материалам полевых наблюдений группы МАФ.

³⁸ Митинг против реновации 15 мая 2017 г. в Москве. По материалам полевых наблюдений группы МАФ.

³⁹ Акция «Возвращение имен», Москва, 29 октября 2017 г. По материалам полевых наблюдений группы МАФ.

и временные рамки, воспроизводя привычный фрейм публичной акции как события: для проведения виртуального митинга была выбрана одна определенная онлайн-площадка (блог), где были размещены выступления ключевых участников, а затем было ограничено время для обсуждения в режиме комментирования записей⁴⁰.

Адресант фабрикует Митинг II

Из вышесказанного вытекает, что раз митинг может восприниматься как событие и как сообщение, может возникнуть митинг, который вообще не происходил как событие в физическом пространстве, а происходил только как сообщение в виртуальном пространстве. Мы называем такой случай Митинг II. Отсутствие митинга как события при этом вызывает множество вопросов у адресатов и Наблюдателей II.

8 марта 2017 г. активистки феминистского движения провели акцию в Александровском саду у Кремля и опубликовали свои фотографии с плакатами в социальных сетях. Резонанс вызвала одна из этих фотографий, на которой активистки стоят на Арсенальной башне Кремля с растяжкой «Национальная идея — феминизм» и горящими файерами. После акции состоялась продолжительная дискуссия о подлинности этой фотографии. 9 марта организатор акции Леда Гарина выступила с открытым письмом, где рассказала, как была сделана фабрикация⁴¹: «Мы планировали дать реальные фотки, а фейк запустить только в соцсетях. Чтобы у людей возник вопрос: было или нет? И уже оттуда он либо попал бы в СМИ, либо не попал. И это бы обсуждали пару дней»⁴². Другая участница акции, Анастасия Вепрева, выразила эту цель еще более четко: «Мне нравилась сама идея виртуальной интервенции — в картинку, в СМИ, в общественность. Но не как самостоятельное действие, а как факт дополненной реальности»⁴³. Вепрева пишет о том, что митинг как событие был дополнен еще одним сообщением, чтобы усилить обсуждение остальных — «настоящих» — фотографий.

Одни Наблюдатели II приняли аргумент Гариной и Вепревой, однако для других Наблюдателей II митинг как сообщение должен соответствовать митингу как событию хоть в какой-то степени: «Фейковая реализация <...> превращает содержание в фарс и девальвирует искренность и честность призывов в ноль»⁴⁴. Нарушение

⁴⁰ Молодые парламентарии Зауралья проведут митинг в интернете // Интернет-сайт «Росмолодежь», 28.12.2010. URL: <https://fadm.gov.ru/news/19390?page=8>.

⁴¹ «Неделю назад я придумала, какую акцию можно сделать на 8 марта, и отправилась на разведку в Москву. Пока я гуляла и фотографировала точки, мне пришла в голову мысль, что один слоган можно пририсовать. И что если будет несколько других реальных точек, будет не сразу заметно, что одна из них фейк. Я специально отсняла две возможных точки — на башне и у Мавзолея. Когда начали делать баннеры, я поняла, что получится лучше, если слоган написать в реальности, а ещё лучше — ещё и сфотографироваться с ним, благо рядом была красная стена». См. Запись Леды Гариной в социальной сети «Facebook» от 11 марта 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1353805818009169&id=100001392901051&pnref=story (дата обращения: 10.02.2018).

⁴² Запись Леды Гариной в социальной сети «Facebook» от 11 марта 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1353805818009169&id=100001392901051&pnref=story (дата обращения: 10.02.2018).

⁴³ Запись Анастасии Вепревой в социальной сети «Facebook» от 11 марта 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/vepreva.anastasia/posts/609875119202804> (дата обращения: 10.02.2018).

⁴⁴ Комментарий Динара Идрисова к записи Леды Гариной в социальной сети «Facebook» от 11 марта 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1353805818009169&id=100001392901051&comment_id=1354227907966960&comment_tracking=%7B%22t%22%3A%22R%9%22%7D (дата обращения: 10.02.2018).

этой конвенции расценено ими как фабрикация, дискредитирующая «аутентичность» не только конкретной акции, но движения в целом⁴⁵.

Как оказалось, именно это и является различительным критерием для принятия или непринятия Митинга II: конвенция подразумевает, что допустимо увеличивать число Наблюдателей II, но недопустимо создавать сообщение, которое не поддержано событием.

С точки зрения разгневанного Наблюдателя II, эта акция, как и любой Митинг II, — намеренное введение в заблуждение (в терминах Гофмана, это фабрикация фрейма протеста [Гофман, 2004: 145]). С точки зрения Вепревой, Гариной и их сторонников, такой Митинг II — политическая акция как чистое сообщение в виртуальном пространстве, не соотносящееся с митингом как событием.

Наблюдатели II приравнивают Митинг II к Митингу I и делают далеко идущие выводы

Что не смогла сделать Леда Гарина, смогла (почти) сделать белорусская милиция. В мае 2017 г. супруги Ольга и Сергей Веремеенко провели акцию в поддержку арестованного в Гомеле Василя Полякова, который вышел на улицу с историческим бело-красно-белым белорусским флагом⁴⁶. Они сфотографировались в парке города Гродно с таким же флагом. После этого они с помощью программы «Photoshop» наложили на фотографию надпись: «В Гродно такие же, как Василь!». Несмотря на то, что митинга как события не было, супруги были привлечены к суду по обвинению в пикетировании. Вызванный в суд милиционер настаивал, что, хотя никаких свидетелей пикетирования не было, это все равно была публичная акция, раз «пикет был проведен в интернете»⁴⁷. Милиционер стал Наблюдателем II. Суд был перенесен, но в итоге 30 мая дело прекратили за отсутствием состава правонарушения.

В этом случае виртуальный митинг как сообщение (Митинг II), несмотря на отсутствие митинга как события в физическом мире (Митинга I), получил все его свойства, в том числе и право власти на преследование участников за нарушение правил его проведения.

Что происходит на самом деле? — «Пересборка» митинга

Эта статья рассказывает о двух оптиках для восприятия митинга. В одной оптике (с которой соглашается законодательство) митинг — это событие с заданными пространственно-временными характеристиками (оно публично, происходит в определенном месте, в определенное время, для выражения общественной позиции) в физическом пространстве, которое создает взаимодействие участников и наблюдателей (в том числе и агента власти). В другой оптике митинг является

⁴⁵ «Сейчас из каждого утюга несется: да поглядите на этот российский феминизм, они все врут! И как с этим спорить?». См. Федорова А. Нас обманули [Электронный ресурс] // Лента.ру. 9 марта 2017. URL: https://lenta.ru/columns/2017/03/09/feminist_fail (дата обращения: 10.02.2018).

⁴⁶ Этот флаг использовался в 1918—1919 и 1991—1995 гг. После референдума 1995 г. он не был запрещен, но законодательные нормы Беларуси ограничивают его использование, особенно в публичных политических акциях, поскольку он ассоциируется с оппозиционным движением.

⁴⁷ «Пікет быў праведзены ў інтэрнэце», — паказаны сьведкі-міліцыянта ў судзе [Электронный ресурс] // Радыё «Свабода». 25.05.2017. URL: <https://www.svaboda.org/a/28508310.html> (дата обращения: 10.02.2018).

сообщением, создаваемым адресантами для адресатов, и этом качестве он может функционировать и в физическом, и в виртуальном пространстве.

Появление в протестной активности еще одного измерения, помимо «места» и «времени» — пространства интернета — значительно усложняет эту конструкцию. Для части активистов и наблюдателей митинг как событие, происходящее в физическом пространстве, остается единственной легитимной формой публичной акции. Хотя идея митинга как сообщения не всегда ими рефлексивируется отчетливо, именно она дает максимальную гибкость во взаимодействии с целевой аудиторией и представителями власти. Благодаря тому, что в этом новом измерении возможно стать Наблюдателем II, вести наблюдение из собственного дома, или даже провести (или сфальсифицировать) политическую акцию онлайн, многие участники митингов получают возможность по-новому конструировать свою акцию и свое участие в ней. Например, становится возможным отказаться от каких-то привычных для митинга действий, перенести их в интернет — для того чтобы снизить риск быть задержанным или для того чтобы донести свою позицию до более широкой (вариант — более четко очерченной) аудитории. Иными словами, жонглируя элементами публичной акции и совершая переходы между физическим и виртуальными пространствами, участники осуществляют «пересборку» самого понятия митинга.

Властный институт в роли Наблюдателя II также начинает видеть митинг как сообщение в виртуальном мире и приравнивать его к митингу как событию со всеми вытекающими последствиями (в случае с белорусскими активистами). В этом случае из пространства безопасности интернет становится пространством риска, заставляющим обдумывать каждую, даже самую безобидную на первый взгляд публикацию — то есть вновь обращаться к механизмам «пересборки», учитывая еще одну аудиторию: наблюдателя, облеченного властью. Трудно количественно оценить повышение интереса к виртуальному активизму (главным образом потому что систематических наблюдений за ними в предыдущие десятилетия не проводилось). Не менее сложно сказать, является ли оно прямым следствием тех или иных изменений политического климата. Однако очевидно, что репертуар способов создания митинга как события и сообщения и их интерпретаций активно расширяется в последние два года.

В результате таких постоянных изменений границы между физическим и виртуальными пространствами определяются участниками протеста и наблюдателями (включая властные институты) каждый раз по-разному — мы наблюдаем *worlding*, бесконечное создание и разрушение «миров» протестного ритуала. «Это было в интернете, поэтому это не пикет», — говорят одни; «это было в интернете, и потому это пикет», — отвечают им другие.

Список литературы (References)

Архипова А. С. *, Кирзюк А. А., Радченко Д. А., Христофорова О. Б. «Фига в кармане» и другие теории символического сопротивления // Городские тексты и практики. Т. 1: Символическое сопротивление / сост. А. С. Архипова*, Д. А. Радченко. М. : ИД «Дело», 2017а. С. 5—22.

Arkhipova A. S. et al. (2017a) «Fig in the pocket» and other theories of symbolic resistance. Urban texts and practices. Vol.1: Symbolic resistance. Moscow: ID «Delo». P. 5—22. (In Russ.)*

Архипова А. С., Доронин Д., Кирзюк А. А., Радченко Д. А., Соколова А., Титков А. С., Югай Е. Ф. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы // Антропологический форум. 2017б. № 33. С. 84—122.*

Arkhipova A. S. et al. (2017b) War as Festival, Festival as War: Performative Commemoration of Victory Day. Forum for Anthropology and Culture. No. 33. P. 84—122.] (In Russ.)*

Архипова А. С., Белянин С., Кирзюк А. А., Козлова И. В., Радченко Д. А., Югай Е. Ф. Жизненный цикл мема в чайках, бакланах и уточках // Искусство кино. 2018. № 1/2. С. 300—312.*

Arkhipova A. S. et al. (2018) Meme life cycle in seagulls, cormorants and ducks. Iskusstvo kino [Art of Cinema. No. 1/2. P. 300—312. (In Russ.)*

*Архипова А. *, Сомин А., Шевелева А. Шершавым языком плаката»: оппозиционный дискурс на протестных акциях // «Мы не немцы!»: Антропология протеста в России 2011—2012 годов / под ред. А. Архиповой*, М. Алексеевского. Тарту : Estonian Literary Museum : University of Tartu, 2014. С. 125—148.*

*Arkhipova A. *, Somin A., Sheveleva A. (2014) «A rough tongue of the placard»: an opposition discourse on protest actions. In: We are not dumb! «: Anthropology of the protest in Russia 2011—2012 / ed. A. Arkhipova*, M. Alekseevsky. Tartu: Estonian Literary Museum, University of Tartu. P. 125—148. (in Russ.)*

Астапова А. С. «Игрушко митингуэ!»: наномитинг в России и Беларуси // Мы не немцы: Антропология протеста в России 2011—2012 годов / под ред. А. Архиповой, М. Алексеевского. Тарту : Estonian Literary Museum : University of Tartu, 2014. С. 293—306.*

Astapova A. S. (2014) «Igrushko mitingue!»: nano-rally in Russia and Belarus. In: We Are Not Mute: Anthropology of Protest in Russia, 2011—2012. Tartu: Estonian Literary Museum, University of Tartu. P. 293—306. (In Russ.)

Бейтсон Г. Теория игры и фантазии // Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М. : Смысл, 2000. С. 205—226.
Bateson G. (2000) A Theory of Play and Fantasy. In: Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology. Moscow, Smysl. P. 205—226. (In Russ.)

Ваньке А., Ксенофонтова И., Тартаковская И. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // ИНТЕР. 2014. № 7. С. 44—73.

Vanke A. et al. (2014) Internet communication as a means and a condition of political mobilization in Russia: case of the «For Fair Elections». INTER. No. 7. P. 44—73. (In Russ.)

Вахштайн В. С. К микросоциологии игрушек: сценарий, афорданс, транспозиция // Логос. 2013. № 2. С. 3—37.

Vakhshtain V. S. (2013) Towards a Micro-Sociology of Toys: Scenario, Affordance, Transposition. Logos. No. 2. P. 3—37.] (In Russ.)

Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М. : Институт социологии РАН : Фонд «Общественное мнение», 2004.

Goffman I. (2004) Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Moscow: Institut sotsiologii RAN; Fond «Obshchestvennoe mnenie». (In Russ.)

Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ / пер. А. Корбута. М. : Элементарные формы 2017.

Goffman I. (2017) Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. Moscow; Elementarnye formy. (In Russ.)

Лурье В. Ф. Граффити Майдана: функция символического сопротивления в сопротивлении реальном // Городские тексты и практики. Т. 1: Символическое сопротивление / сост. А. С. Архипова, Д. А. Радченко. М. : ИД «Дело», 2016. С. 211—220.*
Lurie V. F. (2016) Maidan Graffiti: function of symbolic resistance in actual resistance. Urban texts and practices. Vol.1: Symbolic resistance. Moscow: ID «Delo». P. 211—220. (In Russ.)

Никипорец-Такигава Г. Ю. О роли Интернета в гражданском протесте: российский опыт в глобальном контексте // Вестник Института Кеннана в России. 2012. № 22. С. 13—24.

Nikiporets-Takigawa G. Yu. (2012) The role of the Internet in civil protest: Russian experience in global context. In: Kennan Institute's Vestnik in Russia. No. 22. P. 13—24. (In Russ.)

Радченко Д. А., Ксенофонтова И. В., Писаревская Д. Б. Логика виртуального протеста: Интернет после выборов // Мы не немцы! Антропология протеста в России 2011—2012 годах. Тарту : ЭЛМ, 2014.

Radchenko D. A. et al. (2014). The Logic of Virtual Protest: Internet after Elections. In: We Are Not Mute: Anthropology of Protest in Russia, 2011—2012. Tartu: ELM. (In Russ.)

Радченко Д. А. Политическое высказывание праздника: антисанкционная масленица // ШАГИ = STEPS. 2016а. Т. 2. Вып. 4. С. 265—291.

Radchenko D. A. (2016a) Political expression of a holiday: anti-sanction Maslenitsa. Shagi/STEPS. Vol.2. Issue 4. P. 265—291. (In Russ.)

Радченко Д. А. Сопротивление протесту: обсуждение «Антиплатона» в московской пробке // Городские тексты и практики. Т. 1: Символическое сопротивление / сост. А. С. Архипова, Д. А. Радченко. М. : ИД «Дело», 2016б. С. 174—186.*

Radchenko D. A. (2016b) Resistance to protest: discussion of «Antiplaton» in Moscow traffic jam. Urban texts and practices. Vol.1: Symbolic resistance. Moscow: ID «Delo». P. 174—186. (In Russ.)

Титков А. С. Восстание культурных механизмов : Протест как языковая игра // Социологическое обозрение. 2016а. Т. 15. № 2. С. 208—233.

Titkov A. S. (2016a) Culture Mechanisms in Rebellion: Protest as a Language Game. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological review]*. Vol. 15. No. 2. P. 208—233. (In Russ.)

Титков А. С. Белая лента 2011—2012 годов: политический символ в повседневном окружении // Городские тексты и практики. Т. 1: Символическое сопротивление / сост. А. С. Архипова*, Д. А. Радченко. М. : ИД «Дело», 2016б. С. 69—84.

Titkov A. S. (2016b) «White Ribbon» in 2011—2012: a political symbol in the everyday environment. In: *Urban texts and practices*. Vol.1: Symbolic resistance. Moscow: ID «Delo». P. 69—84. (In Russ.)

Югай Е. Ф., Архипова А. С. *, Крылова А. Б. «Вызов» и «маскировка»: политический активизм в маленьком городе // Городские тексты и практики: коллективная монография. М. : Дело, 2017. С. 222—239.

Yugai E. F. et al. (2016) Challenge' and 'camouflage': political activism in a small town. *Urban texts and practices*. Vol.1: Symbolic resistance. Moscow: Delo. P. 222—239. (In Russ.)

Alexander A., Aouragh M. (2011) The Egyptian Experience: Sense and Nonsense of the Internet Revolution. *International Journal of Communication*. No. 5. P. 1344—1358.

Arkhipova A. *, Doronin D., Iougai E., Kirziouk A., Radtchenko D., Titkov A., Volkova M. (2017) Légitimation et disqualification par l'histoire dans les manifestations de rue en Russie (2011—2016). *Le Mouvement Social*. Juillet—Septembre. P. 129—148. <https://doi.org/10.3917/lms.260.0129>.

Boellstorf T. (2016) For Whom the Ontology Turns: Theorizing the Digital Real. *Current Anthropology*. Vol. 57. No. 4. P. 387—407.

Descola P. (2014) Modes of being and forms of predication. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. Vol. 4. No. 1. P. 271—280. <http://dx.doi.org/10.14318/hau4.1.012>.

Gerbaudo P. (2012) *Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism*. London: Pluto.

Goffman E. (1974) *Frame Analysis. The Essay on Organization of Experiences*. Boston: Northeastern University Press.

Gray P. A. (2016) Memory, body, and the online researcher: Following Russian street demonstrations via social media. *American Ethnologist*. Vol. 43. No. 3. P. 500—510.

Jakobson R. (1960). Closing Statement: Linguistics and Poetics. In: Sebeok, Thomas A. (ed.) *Style in Language*. Cambridge, MA: MIT Press. P. 350—377.

Juris J. S. (2012) Reflections on #Occupy Everywhere: Social Media, Public Space, and Emerging Logics of Aggregation. *American Ethnologist*. Vol. 39. No. 2. P. 259—279. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1425.2012.01362.x>.

Kahn R., Kellner D. (2004) New Media and Internet Activism: From the 'Battle of Seattle' to Blogging. *New Media Society*. No. 6. P. 87—95. <https://doi.org/10.1177/1461444804039908>.

Lotan G., Graeff E., Ananny M., Gaffney D., Pearce I., Boyd D. (2011) The Revolutions Were Tweeted: Information Flows during the 2011 Tunisian and Egyptian Revolutions. International Journal of Communication. Vol. 5. P. 1375—1405.

Rodgers J. (2003) Spatializing International Politics. Analysing Activism on the Internet. N. Y.: Routledge.

Rossi L., Neumayer C., Vulpius J. (2016) Images of Protest In Contested Social Media: Production, Propagation And Narratives. Paper presented at AoIR 2016: The 17th Annual Conference of the Association of Internet Researchers. Berlin.

Starbird K., Palen L. (2012) (How) Will the Revolution be Retweeted? Information Diffusion and the 2011 Egyptian Uprising. CSCW '12 Proceedings of the ACM 2012 conference on Computer Supported Cooperative Work. Seattle.